

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Родилась в Москве. Училась на историческом факультете Московского Государственного педагогического института, окончила Высшие литературные курсы. Автор двадцати книг стихов, нескольких книг переводов с таджикского и казахского языков, а также книги прозы «Мои драгоценные дни. Стихом разбуженная память» (2013). Лауреат литературной премии Союза писателей Москвы «Венец» и премии им. А. Ахматовой журнала «Юность». Живёт в Москве.

СОЛНЕЧНОГОРСКИЙ ОТШЕЛЬНИК И ЕГО БЕРЕГИНЯ

* * *

Б.В.

По тропинке сырой. Вслед за Вами. К ступеням крыльца.
В полутемные сени впуская дыханье лесное.
Я за Вами иду. Вижу спину - не вижу лица.
Разве можно прожить вот с такою прямою спиною?

О, как круто взбираться в светёлку, где дышат века!
Разбуди их - и строки метнутся за ними в погоню.
И ветра зашумят. И раздвинется свод потолка.
И рванутся на волю любви и бессмертия кони.

Я боюсь затенить, оборвать, погубить волшебство.
И я втайне винюсь, что не вовремя я и некстати.
Я краду Ваше время, а что драгоценней его?
Но соблазн воровства не умею никак удержать я.

Я за Вами иду. Я вблизи, даже если не здесь.
Я ведь тоже из тех, кто родился с прямою спиною.
Я из тех, в ком бунтует в ночи многокровая смесь.
Я из тех, кто справляется с бунтом жестокой ценою.

Потому мне так дорог в чашобе затерянный дом,
Где дыхание женщины переплавляется в Слово.
Не жена и не дочь, уходя, я прощаюсь с трудом.
И опять возвращаюсь. И всё повторяется снова.

И закружит опять этот путь мою жизнь по кольцу,
И вчерашний свой шаг я в сегодняшнем полдне расслышу.
И за Вами пойду. По всё той же тропинке. К крыльцу.
И потом - за ступенькой ступенька - всё выше и выше...

* * *

Я еду электричкой до Солнечногорска, на такси или на попутке - за Солнечногорск, потом под горку, до грунтовой дороги, уводящей направо, вглубь высокого берендеевского ельника.

Лет десять назад на этом участке шоссе, по которому с бешеной скоростью мчатся машины и автобусы, сутенёры выстраивали по ночам в ряд молодых девчонок - на выбор. Одну из них, выдвинувшуюся из общего ряда вперёд, сбила машина, - «подружки» прибежали к Васильевым: вызвать «скорую». Но девочка скончалась ещё до её прибытия. Никто из юных перепуганных жриц любви не знал, как её звали и откуда она - то ли из Белоруссии, то ли из Молдавии...

Знак времени.

Несколько шагов и - шлагбаум, установленный поперёк лесной дороги и легко поднимающийся вручную, стоит отмотать верёвку от крепёжного столбца, и перекладина взлетает вверх, напоминая стрелу колодезного журавля. Метров через пятьдесят, свернув направо, среди таких же царственных елей вырисовываются два дома. Второй из них, деревянный, - Васильевых. По мере приближения к домам - оглушительный собачий лай. У каждого дома - своя овчарка. У Васильевских соседей - крупный, с мощной грудью, злощип немецкий овчар. У Васильевых в последние годы -

бельгийка, девочка, чуть помельче, но и пограциозней немецкой, поигривей, короткошерстная, в красноватую рыжинку.

Забавно смотреть, как они носятся наперегонки по разные стороны одного и того же разделительного забора. И, добежав до одного конца, одновременно стремительно разворачиваются - и в том же темпе летят к противоположному.

В этом доме Васильевы живут круглогодично, и тут всегда были собаки, и всегда - овчарки, и всех звали Фросями.

Б.Васильев и Фрося

А дальше - Фрося, без конца тыкающаяся носом то в мои сумки, то в варежку. А навстречу - от крыльца, по расчищенной узкой дорожке - улыбающаяся Зоря Альбертовна, Зоренька, с удивительно родным лицом, хранительница семьи и дома, многолетний друг и любимая женщина Отшельника («...я иду по минному полю нашей жизни за Зориной спиной. И я - счастлив. Я безмерно счастлив, потому что иду за своей любовью. Шаг в шаг»).

Вслед за ней, «шаг в шаг» вырисовывается на крыльце и сам Отшельник - Борис Львович Васильев, в ватнике, в вязаной шапочке - ни дать, ни взять работяга-пенсионер сельского масштаба. А не потомственный интеллигент, военная косточка, известный всей стране писатель.

Многие свои повести («Прах невестребованный», «Победители», «Глухомань...»), исторические романы Отшельник перед тем, как отдать в издательства, передавал в «Кольцо А», и я как главный редактор журнала гордилась этим. У нас были опубликованы его очерки «Чудь начудила, да меря отмерила», «Патриотизм сквозь прицел истории», «Имя прилагательное», «Понедельник обитания», «Героическая трагедия», «Великая иллюзия» и другое...

В одной из лучших поздних вещей - в повести «Век необычайный» - Отшельник писал: *«...Мне и вправду выпал счастливый билет. Я не умер от тифа в 34-м, не погиб в окружении в 41-м, парашют мой раскрылся на всех моих семи десантных прыжках, а в последнем - боевом, под Вязьмой, в марте 43-го - я нарвался на минную растяжку, но на теле не оказалось даже царапины».*

...Раньше мы ездили под Солнечногорск обычно вчетвером - нас с Владимиром Савельевым, моим мужем, подхватывали по пути на машине Сергей Александрович и Галина Николаевна Филатовы.

По дороге горячо обсуждали поразительную работоспособность Отшельника.

День его до недавнего времени начинался с получасовой прогулки по лесу в сопровождении радостно бегущей впереди хозяина очередной Фроси.

Потом - завтрак. И по крутой лестнице, как на голубятню, - на второй этаж. Небольшой длинный кабинет, с выходом в летнее время на застеклённую террасу; книжные полки, письменный стол с компьютером, который Отшельник освоил уже после семидесяти и заслуженно гордился своим прорывом к современным технологиям - с ними удобнее, быстрее, чище.

Рабочий день - тоже до недавнего времени - с 10 до 2-х и с 5 до 7. Есть ли какая-то норма? - спрашивает Филатов,- сколько страниц в день?

Назвал - десять, но это и с дневниковыми записями.

Наши совместные поездки к Васильевым, за Солнечногорск, с непременной остановкой на Солнечногорском рынке для закупок всего необходимого к столу (тут неоспоримое первенство - за Филатовыми), совместное гостевание в старом уютном деревянном доме, с вечными мужскими разговорами о судьбах России и столь же вечными женскими - о жизни, о хлебе насущном, о житейских проблемах, всегда проходили так, как проходят встречи внутри одной дружной семьи.

Частые госпитализации то Бориса Львовича, то Зореньки, издательские дела Бориса Львовича, иногда - гашение конфликтов с внешним миром и внутри семьи - с приёмным сыном Колей, сопровождения к нужным врачам и врачей к ним, - ради этого Сергей и Галя всегда откладывали все дела.

Однажды наш учетверённый приезд был вызван адресованным нам с Володией письмом Отшельника. Я прочитала его Филатовым, решили: надо ехать.

«Друзья мои, мне нужен совет. Дело в том, что количество эссе, посвящённых русской истории и начатое ещё статьёй «Люби Россию в непогоду», перешло в некое неоформленное качество. В подборе это могло бы стать чем-то очень нужным, чувствую, но кто возьмётся напечатать такую книжку? Издательство «Армада» мягко отказалось, ссылаясь на то, что они печатают только художественную литературу, а кроме них я никого не знаю. Подумайте! Не за ради денег, как говорится: помру - пропадёт.

Ребята, а что если вы как-нибудь нагрнете ко мне? Я - не выездной, но - принимающий. Посидим, поговорим, выпьем и закусим, чем Бог послал.

Обнимаю

Ваш Б. Васильев

28.11.96

P.S. И жду!».

Однако книга «Люби Россию в непогоду» была напечатана только спустя 10 лет, в 2006 году в издательстве «Вагриус». В аннотации говорилось:

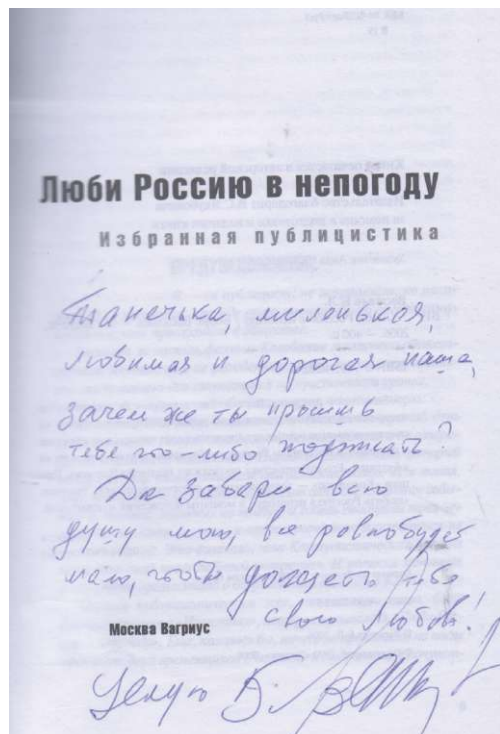
«Известного прозаика Бориса Васильева всегда интересовала история в ее переломных моментах. В этой книге, составленной из очерков и заметок разных лет, писатель снова пытается разобраться в прошлом и настоящем России, чтобы лучше понять, что ждет ее в будущем.

Публицистика Бориса Васильева продолжает традиции Чаадаева, Герцена, Короленко - наших великих соотечественников, умевших «любить Россию в непогоду», в моменты потрясений и испытаний».

Когда на Книжной ярмарке на ВВЦ в 2006 году Борис Львович представлял эту книгу, вокруг прилавка, за которым стоял автор, отвечая на многочисленные вопросы, собралась приличная толпа, а потом моментально выстроилась длинная очередь за автографом.

Мы с Артемием, моим шестнадцатилетним внуком, оказались в её хвосте. Когда приблизились к столу, за которым Васильев без устали подписывал протянутые ему раскрытые книги, я вполголоса произнесла: «Спасибо, Боренька». Он удивлённо поднял глаза, качнул укоризненно головой и написал: «Танечка, милашка, любимая и дорогая наша, зачем же ты просишь тебе что-либо подписать? Да заведи всю душу мою, все равно будет мало, чтобы донести тебе свою любовь! Целую Б.Васильев»

Сердце щемит от этой надписи. Всякий раз..

Когда в 2002 году вышла Володина (*Владимира Савельева*) посмертная книжка стихов «Вдох и Вы...», в послесловии к ней Борис Львович написал: *«...я никак не могу отделаться от ощущения, что он предчувствовал свою несвоевременную кончину. Он часто говорил о ней, особенно в стихах - говорил о скором уходе, о расставании, о своём преобразении и явлении в ином облике, но с прежнюю любовью...».*

Действительно, Володя был убеждён, что проживёт - день в день - ровно столько же, сколько прожила его мама, с которой у него была очень крепкая духовная связь. Его предвиденье подтвердилось: обоим было отмерено ровно по 64 года и 18 дней. Серафиме Осиповне - в 1966-м, Володе - в 1998-м. Были и другие совпадения: у обоих в день похорон сочилась по капелькам кровь - у матери из уголка губ, у сына - из правого виска. Ни до, ни после этого я ни разу не видела у умерших сочащуюся по каплям кровь на лице. Спросила в морге: почему? Сухо ответили: «При заморозке попали в небольшой сосуд».

Филатов поинтересовался у знакомой провидицы, отчего ушел Володя, она ответила: он выполнил всё, что должен был сделать на земле. Там его уже ждали. Потому ушел так легко - во сне... И там ему сейчас хорошо...

«Мне трудно читать Володины стихи. Они настолько искренни, что я начинаю слышать его голос, и слёзы застилают мне глаза. Нет, это не старческая сентиментальность, а мужская молчаливая тоска по безвременно уходящим. Все мы умираем не вовремя» - закончил своё послесловие Борис Львович.

Мой первый приезд к Васильевым после того, как не стало Володи (его уход не отпускал меня семь долгих лет), вызвал некоторую неловкость у хозяев и у Филатовых: помогая Зоре накрывать на стол, я поставила по привычке шесть тарелок и положила шесть приборов. Заметила, как Зоря и Галя переглянулись, и Зоря тихо произнесла:

- Дружочек, надо пять...

- Ну что вы, Зоренька, - с жаром поправила я её, - шесть! Считайте сами - вы с Борей, Галя с Серёжей, мы... - и тут я осеклась. Повисла короткая пауза. Я вышла в тесные сени, проглотила комок в горле, вернулась.

Помянули.

Второй тост в этом доме - всегда за Зореньку, и всегда - стоя.

Мои приезды к Васильевым часто совпадали с приездами Филатовых. Вечером после гостевания они, направляясь к себе на Николину гору, подвозили меня к железнодорожной или автобусной станции Солнечногорска для дальнейшего пути домой, в Москву, и мне не надо было лавировать в потоке машин, перебегая в темноте на другую сторону бешеного шоссе.

Такси, вызываемое заботливой Зоренькой, чтобы подбросить меня на станцию, не всегда останавливалось на моей стороне. А я помнила: задолго до моего появления в этом доме, направляясь к ним, погибла на Ленинградке в автокатастрофе, кажется, в конце

60-х, близкая подруга Васильевых, в результате чего два мальчика - 17-ти и 19-ти лет, Петя и Коля стали сиротами. Один из них - Коля, «в меру упитанный», как Карлсон, с тех пор остался у Васильевых. Петя выбрал другую семью, но к Васильевым заезжал и в выходные, и на дни рождений.

На том же злосчастном шоссе несколько лет назад был сбит на переходе, но выжил после тяжелых повреждений калининградский родственник Зори.

Было от чего мне дрожать.

Всегда существовало два обязательных дня, когда к Васильевым приезжало множество гостей. Это дни рожденья Зореньки (31 августа) и Бориса Львовича (21 мая).

Заранее раздвигался массивный стол под тёмно-синей клеёнчатой скатертью - он в такие дни служил «пересадочным пунктом» для многочисленных салатов, солений, мясной и рыбной закусок, пирогов, доставлявшихся из кухни на террасу, смежную со столовой.

Помощниц в этот день у Зори Альбертовны оказывалось немало. Хотя всё основное она всегда готовила сама за день до гостей. Я поражалась, как она после этого держится на ногах. Но - держалась, и улыбалась, и отвечала на шутки, и свою рюмку пригубливала.

Никогда эти дни не были официозными или особенно торжественными - друзья хозяев быстро становились друзьями новых гостей. Зоренькины родственники воспринимались почти как всеобщие родственники - так же, как самая близкая и самая давняя её подруга Алевтина Ивановна, Аленька, наезжавшая погостить из Нижнего Новгорода; так же, как Коля и Петя; так же, как Толя и Марина Ермолины.

И вот - один из дней рожденья Бориса Львовича, совсем не юбилейный. Тёплая майская погода, цветёт сирень, Борис Львович сидит с Сергеем Александровичем Филатовым на скамейке под окнами столовой, на солнышке, беседуют. Мы с Галей помогаем Зореньке в доме, переговариваемся.

Зоря, что-то раскладывая,- с улыбкой:

- Представляете, вчера позвонили из солнечногорской мэрии - спохватились, что у Бори сегодня день рождения. Сколько живём - ни разу никто из местного начальства не звонил, не поздравлял. Предупредили, что сам мэр приедет поздравлять! - Зоря смеётся: - С чего бы это? А потом еще раз перезвонили - если мы в чём-то нуждаемся, должны написать заранее на бумажке. Борис Львович никогда ни у кого ничего не просил. А тут я отважилась. Ну в самом деле?! Нас зимой так заметает, что ни одна скорая не проедет от шоссе к дому, я столько раз звонила в мэрию - просила - не добросилась, чтобы дорогу расчищали после снегопадов. Всего-то метров пятьдесят. Нам самим не под силу...

- Зоренька,- спрашиваю,- сколько их приедет из мэрии, и будете ли звать за стол?

- Поглядим, - философски, не отрываясь от хлопот, отвечает Зоря.

Через короткое время у ворот раздаются громкие требовательные автомобильные гудки. Нашим гостям еще рано. Мы втроём выходим на крыльцо, Сергей Александрович, опережая поднявшегося было со скамейки Отшельника, идёт к воротам. Из чёрной «волги» не без труда высвобождается «сам мэр» - еще довольно молодой, крупногабаритный, с заметным брюшком, в угольно-чёрном костюме и чёрных лакированных туфлях, что делает его похожим на дона Вито Карлеоне, за его спиной - помощник с букетом. «Сам мэр» устремляется к Филатову и заключает его в крепкие объятия:

- Дорогой мой! Вы наша гордость! От лица всего Солнечногорска...

Филатов пытается уйти от объятий. Но мэр продолжает крепко его удерживать и троекратно смачно целует:

- С юбилеем! Кто бы мог подумать, такая дата - 75 лет, а выглядите гораздо моложе!

- А я и так моложе. Мне 66,- сдержанно поправляет гостя Сергей Александрович.

- Простите, Борис Львович, мне сказали...- смущается мэр.

- А я и не Борис Львович,- добивает «самого мэра» Филатов и тихо добавляет: - вам - вперёд, там - Борис Львович.

Мэр, вконец растерявшись:

- А вы кто? ...

- А я Сергей Александрович Филатов.

- Господи, Сергей Александрович! - словно узнав давнего знакомого и потому обретя второе дыхание, вскрикивает мэра, - то то я смотрю: лицо больно знакомое...

Но на повторное чувственное объятие с поцелуями не решается и, гневно обернувшись на помощника, следом за Филатовым шагает к скамейке, с которой встаёт им навстречу Отшельник. Не отставая от мэра, с помертвевшим в предчувствии выволочки лицом, бредёт помощник с букетом. Мне показалось, что он заранее выбрал голову в плечи.

Но, справедливости ради: зимнюю дорогу стали с тех пор расчищать от заносов.

Февраль. Очередная годовщина свадьбы Васильевых.

Они поженились в 1946-м, когда оба были курсантами Военной академии бронетанковых и механизированных войск. Боренька учился довольно легкомысленно, манкировал занятиями. Перед очередным экзаменом по физике «я оказался,- пишет Отшельник в повести «Век необычайный»,- дежурным по общежитию, а дневальным ко мне попала самая маленькая и самая младшенькая из наших слушательниц рядовая Зоря Поляк. Единственный Ворошиловский стипендиат на курсе.

- Ты готовишься к экзамену? - спросила Зоря, когда мы вдосталь поболтали о Грине, Паустовском, Блоке и Есенине.

- Зачем? - нахально удивился я. - Пятёрка мне и так обеспечена.

И показал своей дневальной билет по физике, который для меня спёрли на экзамене заботливые друзья.

Боже, что тут началось! Зорька вскочила, одёрнула гимнастёрку, стала алой, будто рак из кипятка, и звенящим от негодования голосом...

- В то время, когда наша Родина, истекая кровью, отбивается от фашистских орд, когда её лучшие сыновья и дочери гибнут на полях сражений...

Ну, и так далее. Я тоже встал, тоже одёрнул гимнастёрку и поврал грешно доставшийся мне билет по физике.

Экзамен я провалил с треском...»

Будущему Отшельнику грозило отчисление из академии. Заступилась Зоря (спустя годы - прототип бескомпромиссной комсомолки Искры в повести «Завтра была война»), вызвалась его подтянуть. Подтянула. В результате Боря сделал ей предложение.

Радостно светящаяся курсантка-отличница Зоря Поляк встречается на лестнице академии во время перемены одного из преподавателей.

- Курсантка Поляк,- спрашивает он на ходу,- чему вы так радуетесь?

- Мне сделал предложение курсант Васильев! - сияя, отвечает Зоренька.

- Не поздравляю,- скупое реагирует преподаватель.

В тот февраль в Москве по общественным делам на несколько дней оказался Даниил Александрович Гранин - кажется, для участия в заседании Президентского совета.

Одно время он, наезжая в Москву, иногда вечерами позванивал мне - поговорить, порасспрашивать о московских литературных делах, о том, о сём, а я выпрашивала у него (безрезультатно!) что-нибудь для «Кольца А». Как-то Гранин позвонил около полуночи и поинтересовался, как идут дела в Союзе писателей Москвы.

- Об этом, Даниил Александрович, вам лучше спросить у Володи...

- У какого Володи?

- У Савельева, он ведь первый секретарь, а я только «Кольцом А» занимаюсь.

Наступила короткая пауза, после которой Гранин с некоторым отчуждением уточнил:

- И часто он так поздно у вас засиживается?

- Да он последние лет тридцать отсюда не вылезает...- смеюсь я, передавая Володе трубку.

Так вот, в тот февраль была масленица. От предложения Сергея Александровича поехать вместе - поздравить Васильевых, не отказалась, конечно. С утра напекла большую стопку блинов (кстати, по рецепту жены Евгения Весника - Нонны Гавриловны), купила мою любимую селёдку «матиас», сметану, и с этим грузом водрузилась на заднее сиденье филатовской машины, рядом с Даниилом Александровичем, который давно хотел повидаться с Васильевым, да всё случай не выпадал.

Блины пришлись кстати, дополнив Зоренькины домашние заготовки - соленья, маринады, сало, разварную рассыпчатую картошку (какое застолье без неё обойдётся?). Ну и, конечно, была запотевшая, с мороза, бутылка водки. Одна из тех, что «с запасом», как всегда, привёз Филатов в чемоданчике. Надо сказать, что перед заездом к Васильевым Серёжа и Галя скупали обычно в Солнечногорске полдрынка - так что пакеты со всякой снедью едва умещались в багажнике.

Питерский гость между тем оглядывает столовую - с добротной, надёжной, не современной мебелью, несколькими полочками с забавными фигурками, со странной красно-голубой картиной молодого художника, попытавшегося вместить в раму внезапный порыв ветра, с двумя довольно низкими, обещающими утопить в своей податливой мягкости любое опустившееся на них тело, ди-

ванами. В общем, очень это уютное, типичное для еще совсем недавних времён дачное обиталище. Ну и мощный обеденный квадратный стол под тёмно-синей клеёнкой.

- Как тебе живётся, в такой глуши? - интересуется Даниил Александрович после первых двух рюмок, время от времени как-то искоса, чуть насмешливо - видимо, по праву возрастного превосходства в пять лет,- поглядывая на хозяина.

- Зоря, как нам тут живётся? По-моему, неплохо, живётся. Главное - работается здесь хорошо, в Москве это невозможно, а тут тишина, - оживлённо отвечает хозяин и тянется к своей крошечной, с напёрсток, отпитой на половину рюмке.

Зоря одёргивает: «Боря, тебе хватит!».

- Так ты что ж - так безвылазно здесь и сидишь? - подначивая хозяина, продолжает гость,- и куда ни ногой?

- Да почему же? В Москве редко бываю, а тут, в Солнечногорске...

- И что - помнят, приглашают? - не унимается насмешливый Гранин.

- И помнят, и приглашают,- не поддаётся Васильев.- Вот недавно в школе выступал.

- Так теперь же книг никто не читает, они тебя разве что по фильмам знают, если, конечно, смотрели.

- Да нет, они читают. И вопросы хорошие задают,- стойко держится хозяин.

- Им эти вопросы, небось, учительница перед твоим приходом раздала!

- Ну не знаю, мне кажется, им со мной интересно было, а мне с ними. Они меня поблагодарили,- Васильев замолкает, поглядывая через плечо Гранина на заснеженные яблони в саду.

Гранин доволен: переиграл - переговорил собрата, и его раскрасневшееся лицо обретает по-мальчишески озорное выражение.

За окном неожиданно залаяла Фрося.

- Весна на носу, вот она и нервничает,- говорит Зоренька.

- Вы её куда не отпускаете? - интересуется гость.

- Нет, конечно.

- Понятно, ей любви хочется...

- Сука ведь тоже женщина...- негромко поддерживаю гостя.

Мужчины смеются: «Женская солидарность!».

Темнеет. Прощаемся. Борис Львович выносит со второго этажа новенький пятитомник, протягивает Даниилу Александровичу.

- Ты хоть подписал, не забыл? - смеивается Гранин, забирая под мышку увесистый дар.

Едем обратно в полной темноте. У своей дачи выходит Филатов, наказав шоферу отвезти сначала Гранина в «Президент-отель», а потом меня - на «Динамо».

Я сижу рядом с шофёром, меня слегка укачало, сквозь полудрёму доносится Гранинский голос:

- Таня! А вы слышите во сне иногда голоса?

- Слышу.

- Часто?

- Нет.

- О чем?

- Предупреждают о том, что случится. А вы слышите?

- Слышу, - отвечает Гранин и надолго замолкает.

Оглядываюсь - дремлет.

Едем.

..Незаметно подкатило 80-летие Отшельника. Зоря просит приехать и помочь с составлением списка гостей и рассадкой их за столами. Гостей набиралось больше сотни.

Тут надо сделать отступление.

Зоря Альбертовна и Борис Львович в первые перестроечные годы жили очень трудно, практически на три пенсии - её, его и Коли. Гонорары были незначительными, да и хорошие книги издавались и переиздавались плоховато. Когда я рассказывала об их нуждах и безденежье знакомым, те разводили руками: «Как? Писатель с таким именем...».

А между тем, становилось всё тяжелее содержать старую деревянную дачу, на которой прохудилась крыша, полы ходили ходуном, из окон зимой дуло, котёл в доме постоянно барахлил, и для его топки Зоря таскала ведрами от ворот уголь. Коля, к тому времени мужчина физически крепкий, но с некоторым психическим изъяном и серьёзной зависимостью от алкоголя, себя не утруждал ни чисткой дорожек, ни ведрами с углем, ни спусками в подпол за картошкой, да и ничем другим - так, посматривал из

окна на Зореньку, в очередной раз волокущую по скользкой тропинке ведро с углём, или - сидя в кресле, поглядывал, как она кряхтя поднимает из подпола наверх ведро с картошкой, и отрешённо дымил сигаретой «Президент»...

Однажды в доме Васильевых появился необычный гость - Васильевы называли его Ильёй. Я заглазно, не будучи знакомой с ним, представила, что он, в первую очередь, успешный бизнесмен, потому что его появление повлекло за собой капитальный ремонт васильевской дачи, котла, вторжение во двор взамен разбитых «жигулей» - черного джипа и оплаченного шофёра Саши, Александра Михайловича, жителя Солнечногорска, который расчищал зимой дорожки и во многом помогал Зоре. И Сашиной жены Тани, Татьяны Гурьевны, которая не бросала Зореньку до её последних слов и тяжёлого хриплого выдоха в реанимации Солнечногорской больницы.

Было и многое другое, сделавшее, благодаря заботам Ильи, жизнь Васильевых комфортной и почти беспроблемной.

На мой вопрос о роде его занятий, Зоренька ответила, что, во-первых, зовут его Ильягу Ханукаевич Урилов, и добавила как бы между прочим, что, во-вторых, он доктор исторических наук (теперь - академик РАН, руководитель Центра Института всеобщей истории РАН), что занимается он вопросами социал-демократии в России, в частности - историей меньшевизма. Даниил Гранин считает, что Ильягу Урилов многое сделал для разрушения насаждавшегося все советские годы в учебниках и научных трудах мифа о меньшевиках, о Мартове, в частности. Позже узнала, что для Урилова представляют научный интерес также история Царско-сельского музея и биография дипломата, канцлера российской империи, светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова...

Многое из того, что мы храним в себе во взрослые годы, часто берёт истоки в нашем детстве. Поэтому Зоря, человек невероятно деликатный, не могла не поинтересоваться детством Ильи и причинами его добросердечного отношения. По её словам, он вырос в беспросветной нищете, растила его и воспитывала мать, работавшая уборщицей.

Уверена, что это была женщина необыкновенной доброты и что больше всего на свете она желала, чтобы сын вырос совестли-

вым и благородным человеком. Чтобы получил достойное образование и не повторил её судьбу.

Сын окончил Дагестанский университет, и это был его первый серьёзный подарок матери... Не знаю, дождалась ли она, когда он крепко встанет на ноги. Возможно, её сломила раньше времени нужда и тяжёлая работа, и сын не смог, не успел сделать её жизнь безбедной и счастливой. Зоря Альбертовна, человек беспредельной доброты, могла напомнить её Илье, и он не упускал случая сделать всё необходимое для семьи Васильевых.

Да только ли для этой семьи...

Тут уместно воздать должное тем людям, дела которых идут впереди их слов. Они, как правило, не любят, когда кто-то начинает говорить о присущем им бескорыстии. О душевном благородстве. О человеколюбии. Не громком и не афишируемом. О людях, помогающих выжить тем, кому нелегко и кто заслуживает такой помощи.

Слово «меценат» в наши дни звучит как «волшебник». Говорят, меценатов нынче нет, а уж волшебников - тем более.

Они есть, но они всегда единичны. Не забудем же при встрече, поклонившись им, поклониться памяти их матерей.

80-летие Отшельника прошло в ресторане «Венеция», на Старом Арбате. Знающая многих приглашённых в лицо и по именам, я со списком гостей и планом рассадки была поставлена у входа в зал, подсказывая, кто где может сесть. Возле меня остановился смуглый, худощавый, среднего роста мужчина, с интеллигентным продолговатым лицом. До этого дня я его не видала. Решила спросить фамилию и помочь найти место.

- Урилов,- ответил он негромко.

Постепенно зал наполнялся. Римма Казакова, обязавшая меня посадить её непременно рядом с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым, села по его левую руку и после первых нескольких рюмок зашептала ему на ухо: «А как у вас с женщинами?» Он взглянул на неё с удивлением: «У меня - всё хорошо. Есть замечательные женщины, которые мне помогают» - и отвернулся к соседу справа. Римма погасла.

Гости брали слово один за другим. Рядом со мной и Александром Половцем сидела чета Рязановых. Эльдар Александрович уступил место у микрофона своей жене Эмме Валериановне:

- Когда Борис Львович приезжал в наш город и останавливался в одиночном номере...

Рязанов неожиданно резко поднялся и прервал её:

- Я очень рад, что моя жена не знает, что одиночной может быть только тюремная камера, а номер в гостинице - одностельным... Рад, что те времена прошли и надеюсь - безвозвратно.

После чего Эмма Валериановна продолжила своё эмоциональное поздравление.

Боря слушал всех внимательно. У меня было ощущение, что он и все мы медленно едем куда-то, нам хорошо вместе, главное, - мы любим друг друга, и что уж совсем неоспоримо - Зореньку и Отшельника. И время будто остановилось, и мы не задумываемся о том, что поезд этот совсем не дальнего следования, и потому, глядя на Отшельника, я повторяла про себя написанное им в повести «Летят мои кони»:

«А сейчас я еду с ярмарки.

Ещё размашисто рысят мои кони, еще жив праздник в душе моей, ещё кружится голова от вчерашнего хмеля и недопетая песня готова сорваться в белёсое от седины небо. Ещё не остыли на губах ворованные поцелуи случайных женщин, любивших любовь больше, чем меня, и тем самым вложивших свой камень в котомку моей усталости. Еще хочется пробежаться босиком, поваляться в траве, нырнуть с обрыва в незнакомый омут. Ещё так трудно оторвать взгляд от женских ног, еще пытаешься казаться умнее, ещё мечтается перед сном и хочется петь по утрам. Ещё не утолена вся жажда, ещё веришь в себя и ещё ничего не болит, кроме сердца...»

Возвратились Васильевы домой около полуночи под радостное повизгивание Фроси.

Помимо собаки, жившей в выгородке около крыльца, в доме была кошка Муся, с сиамской примесью, подверженная неожиданным проявлениям агрессии: летом она не выносила оголённых женских ног и безжалостно вцеплялась в икры всеми десятью ког-

тями. Иногда могла цапнуть и Зорю за руку, когда та ставила ей еду. Не трогала Муся только Отшельника. Колю избегала. Она была членом семьи и пользовалась этим.

Два раза в год она таинственно отлучалась на одну-две недели и возвращалась страшно худая, голодная, валилась спать, а в положенные природой сроки одаривала Васильевых котятами. Зоря неукоснительно раздавала их в хорошие руки.

Прошло несколько лет, Муся занемогла, в лечебнице определили онкологию.

Когда в очередной раз Зореньку обидел Коля, она попросила меня приехать с ночёвкой - побаивалась Коли и просила ничего не говорить Отшельнику. Приехав, пошла ставить сумку со своими принадлежностями в небольшую (ах, какая царственная ель раскинула свои роскошные, с игольчатой бахромой ветви там под окном!) комнатку при столовой, где обычно ночевали гости.

Зоря остановила меня на полпути:

- Дружочек, простите, но туда нельзя. Там под диваном - Муся. Она болеет, умирает, вы её потревожите. Она уже не выползает на свет, и еду ей я подсовываю под диван. Вы переночуете в столовой, хорошо?

И хотя я не вызывала у Коли отрицательных реакций, стараясь разговаривать с ним как можно мягче и доверительней, ночевать в столовой, через портьеру которой была комната непредсказуемого и нетрезвого человека, было мало приятно.

Я не сомкнула глаз - Коля всю ночь бродил, что-то бормотал, раскатисто кашлял, курил одну сигарету за другой, из-за чего сильный дым заполнял весь дом.

Утром встала с головной болью.

И всё-таки не смогла отказать Зоре - осталась на следующую ночь, но уже - с ночёвкой на втором этаже. Я странным образом, самозвано чувствовала себя её младшей родственницей, и потому, когда могла, откликалась на её призывы безоговорочно. Зная многое о моей жизни после смерти Володи, она - даже на расстоянии - была моей поддержкой, хотя сама нуждалась в поддержке в сотни раз большей.

Зоря Альбертовна Васильева

Однажды она попросила меня написать ей стихотворение. Написала. Потом несколько раз переписывала - всё казалось: не те слова. Дописалось накануне Зоренькиной панихиды:

Иные пусть открыты, но пусты,
Как помещенье без тепла и света.
А к Вам на притяженье доброты
Я прихожу, не ведая запрета.

По Вам я выверяю сердца стук,
По Вам сверяю найденное слово,
Стыжусь, коль невпопад ответчу вдруг,
Смеюсь, Ваш тихий смех слышав снова.

И, знающая, как велик Ваш груз,

Как солнца диск над Вами жгуче красен,
Я Вас люблю, и я за вас боюсь:
Избыток света - он взрывоопасен.

Чтоб ни случилось, близких душ родство
Всех нас соединит и обозначит:
Кто рядом был, - тот сохранит его.
Кто был далёко, - тот о нём заплачет.

В тот вечер Зоря предложила нам вчетвером перед сном сыграть в «монополию». Сели за синий стол. Коле выдали какую-то машинку - подсчитывать убытки и прибыли, Зоря взялась все цифры записывать в тетрадь, Боре правила игры она объясняла по ходу действий.

Начали играть. Удача улыбалась то одному, то другому, по очереди каждый из нас то сказочно богател недвижимостью, то разорялся... Я чувствовала, что операции со счётной машинкой Колю утомили, устала и Зоря, я с трудом сдерживала зевоту - игра продолжалась уже два часа, и мне после бессонной ночи зверски хотелось спать. Однако Отшельник неожиданно вошёл в раж: он проигрывал и страстно мечтал отыгаться - заполучить заново дома на престижных улицах, бензозаправки, водокачки, железные дороги... Никогда до этого не замечала я у него такого по-детски непреодолимого азарта, да и повода, честно говоря, не было.

Мы с Зорей по очереди старались ему подыграть, переставляя его фишку на выигрышные клетки, - лишь бы поскорее закончить. Наконец, Зоря не выдержала:

- Всё, Боря, хватит. Всем пора спать, заканчиваем.

Коля с облегчением пошёл за сигаретами, я собрала в коробку игру, Зоря повела Отшельника в буфетную, рядом с сенями, - отсчитывать капли и таблетки, которые он должен перед сном принять. А я направилась на кухню - попить воды. Но была остановлена сердито-обиженным окриком Отшельника - такого резкого тона я у него прежде не слыхала:

- А ты не честно играла! Я видел - ты мухлевала! Ты всё хотела заграбастать! И Зоря тебе помогала! Это ты, ты меня обанкротила! Вы обе хороши!

Его вспышка была настолько неожиданной, что сон с меня мгновенно слетел. Глаза Отшельника грозно сверкали, щёки горели огнём.

- Боря, прекрати немедленно! Ты и так выиграл больше всех нас! - рассерженно одёрнула его Зоря.

- Нет, нечего меня успокаивать! Вы в сговоре! - он выкрикивал что-то ещё, но я уже была на кухне и наливала себе в чашку воду.

Зоря увела возбуждённого Отшельника спать. А мне вспомнились Чеховские «Мальчики».

Дома перечитала совсем уже грустные, пророческие строки Отшельника:

«И все же я еду с ярмарки, а это значит, что между моими желаниями и моими возможностями, между «хочу» и «могу», между «еще» и «уже» начала вырастать стена. И каждый прожитый день добавляет в эту стену свой аккуратный кирпичик. Я ещё хочу бежать вслед за уходящим поездом, но уже не могу его догнать и рискую остаться один на гулком пустом перроне...».

Как-то спросила у Зори, знает ли она, что какой-то незадачливый составитель вставил Бориса Львовича в Еврейскую энциклопедию.

- Ещё бы! Конечно, знаю. Мы смеялись. А вообще, когда меня спрашивают о Бориной национальности, я всегда отвечаю: Боря - еврей наполовину. По жене.

Я взяла это на вооружение, и всем, кто интересуется моей национальностью, смело отвечаю: я еврейка наполовину - по друзьям.

Наверное, также я могла бы ответить в Казахстане или Таджикистане: я наполовину казашка или таджичка, и тоже - по друзьям: я много переводила с казахского и таджикского, и за долгие годы породнилась с семьями своих восточных братьев и сосестёр. Но теперь уже вряд ли там побываю.

Вскоре похоронили Мусю - за забором, в лесу.

По прошествии нескольких дней, обходя свои владения, Васильевы заметили: вокруг бугорка, под которым упокоилась Муся, сидят несколько котов. По их обтрёпанным, в репьях, спинам и порванным ушам - явно ничьи, возможно - лесные или деревенские. Они приходили сюда регулярно около месяца, также рассаживались кружком, ежедневно просиживая вокруг холмика от полудня до часа. Потом с чувством выполненного долга неспешно удалялись в сторону леса.

Как они узнали о её смерти? Как вычислили её могилку? Что притягивало их сюда? Почему она собирала их всех вокруг себя после смерти? Что знаем мы о душе? А ведь ею наделено всё живое и, возможно, не только живое, но даже и рукотворное...

В конце концов, стал приходиться только один кот - Мусин сын, из соседней дачи. И тоже сидел, не шевелясь, потом степенно поднимался и медленно направлялся к своему участку.

Восьмидесятипятилетие Отшельника прошло в той же «Венеции». И снова мы с Зорей составляли списки и план рассадки. И снова набралось больше ста человек - многочисленные друзья, близкие Зоренькины родственники, писатели, издатели, известные актрисы, игравшие в «Зорях...».

Было очень оживлённо, Отшельник был доволен, Зоря опасалась, что он переутомится - ведь им предстоял ночной обратный путь в Солнечногорск. Но всё обошлось.

Положительные эмоции, как всегда, помогли.

Однако спустя год-два Отшельник стал всё больше уходить в себя, с удовольствием перечитывал свои книги, просиживал часами в наушниках перед телевизором, смотря бесконечные милицейские сериалы. Зоря пожимала плечами: что он в них находит? Коля становился всё непредсказуемее - болезнь брала своё. Зоря в свои восемьдесят с гаком вертелась, как белка в колесе. Если бы ни помощь Татьяны Гурьевны, было бы и вовсе беспросветно. Я уже не могла часто приезжать к ней, и мы переговаривались только по телефону. «Позванивайте мне, дружочек» - обычно просила она в конце разговора. Я заранее запасалась забавными историями, она тихо смеялась. Иногда жаловалась попеременно на Борю и Колю. Боря, по её словам, то впадал в детство, то становился обуреваем

манией величия. Коля требовал ежедневно по литру водки. Отшельник стал опасаться его, особенно по ночам, и тому были причины. Пришлось нанять Даврона в качестве защитника, молодого и сильного таджика, которому было устроено спальное место перед дверью Отшельника.

В конце 2012 года Зоренька с трудом вставала - отказывали ноги. И всё же к столу выходила.

Отшельником вдруг овладела идея получения Нобелевской премии непременно в 2013 году, которая сменилась уверенностью, что ему эта премия уже присуждена и кто-то даже успел её получить...

Зоря вызвала безотказного Сергея Александровича Филатова - посоветоваться, как быть. И хотя она сама вроде бы отнеслась к этому полушутливо, но просьба Сергею Александровичу была произнесена и сформулирована так: у Бориса Львовича стала проявляться некоторая неадекватность в характере, видимо, возрастная. Он очень хотел бы получить Нобелевскую премию именно в 2013 году. Нельзя ли, чтобы он не нервничал (всё-таки - под девяносто), привезти любую бумагу, с уведомлением о том, что документы на Нобелевскую премию готовятся. Затем последовала вторая просьба Зореньки: нельзя ли всё-таки подготовить все необходимые бумаги и отослать их в Швецию. И Серёжа начал спешно собирать эти бумаги, потому что до окончания приёма заявок оставались считанные дни. Тут же последовала третья просьба: нельзя ли уже сейчас объявить Б. Л., что Нобелевскую премию ему дали. И тут Серёжа в первый раз отказал. Не мог соврать Васильеву, тем более, что о факте присуждения Нобелевской премии всегда сообщают все СМИ.

И всё же Сергей успел собрать все бумаги и к сроку отослать их в Швецию. Последний шаг был сделан в день похорон Зореньки, на панихиде он сказал мне: «Я дал ей слово.»

Я продолжала по вечерам звонить Зоре. Она уже не вставала. Но по-прежнему живо реагировала на смешное. Всегда с трудом соглашавшаяся на госпитализацию из-за боязни оставить одних Отшельника и Колю, теперь она впервые сама засобиралась в Солнечногорскую больницу, где якобы хорошая кардиология. Благо-

даря хлопотам друга дома, доктора этой больницы, Олега Евгеньевича, Зорю взяли туда 11 января. Я успела поговорить с ней 12-го.

Она лежала в платной палате, рассказала о капельницах, о кардиограмме, о том, что лечение резко ухудшило её состояние, что боли в сердце стали нестерпимыми.

Я утешала: так бывает - иногда лечение поначалу обостряет болезнь, которая вступает с ним в единоборство.

Потом была реанимация. Консилиум. 14 января вечером у её постели дежурила Татьяна Гурьевна. Зоря задышалась, изголовье её кровати было приподнято:

- Всё... - прохрипела с натугой.

- Вы хотите мне что-то сказать? - приблизилась к её лицу Татьяна Гурьевна.

- Да... - обессилено пролепетала Зоренька, и снова её стали душить хрипы, она попыталась разорвать на груди рубашку - не хватало воздуха.

Подошедшая врач вывела Т. Г. в коридор: «Идите домой, вы ей ничем не поможете, позвоните из дома...»

Все хлопоты по похоронам взял на себя Филатов.

Поминки организовал Илья Ханукаевич в той же «Венеции», где отмечали 80- и 85-летие Отшельника.

На девятый день после своего ухода Зоря забрала к себе Колю. Он умер скоростижно.

* * *

Больше всего на свете Отшельник боялся пережить свою Зореньку. Он и впрямь почувствовал себя одиноким на гулком пустом перроне, как и напороочил. Силы с каждым днём покидали его. Потеряв под ногами почву, он стал совсем другим человеком - капризным, придирчивым, подозрительным. Несчастливым.

Успокоить, улыбнуться ему, как это делала Зоренька, не мог уже никто. Он переселился в её комнату, чтобы быть поближе к ней, и редко выходил из неё.

Пытка его продолжалась почти два месяца.

11 марта утром, отказавшись от завтрака и направившись в Зоренькину комнату, проговорил, задержавшись на пороге: «Видно, и мой срок настал...».

Вызванная «скорая помощь» оказалась бесполезной.

По неоткрытым законам единства времени и пространства, по неразделимости воображаемого и реального миров я вижу увозящих его с земной ярмарки на другую - небесную - коней, которые уже не летят, а бредут мерным шагом, не останавливаясь, всё дальше и дальше, всё выше и выше, пока ни растворятся то ли в нежно-голубом мареве, то ли во влажном, тяжелом предвесеннем снегопаде.

Не останавливаюсь и я, вовлечённая в это не бесконечное движение, повторяя: «Всё, что я везу, умещается в моём сердце, и мне легко».

И на память приходят другие строки: *«... я буду лежать, закинув руки за голову, смотреть на далёкие звёзды и ощупывать свою жизнь, ища в ней вывихи и переломы, старые ссадины и свежие синяки, затянувшиеся шрамы и незаживающие язвы.*

Я еду с ярмарки. Помашите мне вслед...».

И я машу ему вслед, машу... машу... машу:

я ведь тоже еду с ярмарки.

* * *

Б.В.

В стране, где извечен диктат документа,
Где вздох один - от эйфории до бед,
Пророческой миссии интеллигента
Беспаспортней, горше, опаснее нет.

Он, может, и рад бы, как все, по течению,
Но строгая совесть прожить не даёт
Без муки - словам возвращать их значенья,
Без боли - всё сущее знать наперёд,

Без страсти - тянуть паутину событий,
Чтоб прошлое нынешней плотью облечь,
Без этих - морозящих душу - открытий:
Кого и когда ими предостеречь?

О как дорожила я каждой встречей,
Когда рядом с ним направляясь к жилью, -
Великая дерзость! - ему на предплечье
Неслышно ладонь опускала свою.

Да разве я знала, что вдруг обезножу,
Бредя от могилы его наугад,
Как будто бы путь мой кончается тоже -
И я всякий раз возвращаюсь назад
В тот март. В то прощанье. В сырой снегопад.